
М.Н. ТОЛСТАЯ

**ДВЕ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЕ ФОРМУЛЫ
В МИФОЛОГИИ УКРАИНСКОГО ЗАКАРПАТЬЯ**

---

1. Первая из формул, о которых идет речь, широко известна в восточно- и западнославянском мире. Это цитата из 150-го псалма: «Всякое дыхание да хвалит Господа». Она широко распространена в Закарпатье и вообще в Карпатском регионе как отгонная формула и оберег при встрече с нечистой силой (см., например, Черленяк 2018: 664). Ср. запись из закарпатского села Керецки Иршавского р-на:

И водяникы – случайі такі, розумієте, каже, водяник идє, водов идє та з рота му сапать. Пбловинь[ий]. Пбловинь, каже, така черлена з рота му сапать. Я сама – мы коло рікы жйеме, та.. уже типірь нйт, а давно, дєсь приблизно в восімдїсїт трєтьому рōці [...] вїшла сїя на фєрму у ночї. Прōсто минї... минї вїділо ся, шо то чотырь гōдины, по мїсному, а втō было дванїцїть гōдин тогды. Стрїлка была малā на дванїцїтьōх, а мнї ся повїділо, шо стрїлка на чотырьōх гōдинах, малā. Но та я помїшала. Колї-м ишла на фєрму, позирāу, горї водов тāk собї йдє, такє свїтло, серед.. посеред самєнької рікы. Нō а то давнō шчє бїльшє было тākого. Типїрь уже малō... (А что нужно было сделать, перекреститься?) Перехрестїти ся трєба та казати, ош «Всякое дыхāние да хвалїть Гōспода». Отакў рїч было трєба произнєстї.

[И *водяники* – случаи такие, понимают, говорят, водяник идет, идет по воде, и изо рта у него пышет. Пламенем. Пламя, говорят, такое красное изо рта у него пышет. Я сама – мы около реки живем, и... уже теперь нет, а давно, где-то приблизительно в восемьдесят третьем году, я вышла так на ферму ночью. Просто мне... мне казалось, что это четыре часа, по-местному, а это было двенадцать часов тогда. Стрелка была маленькая на двенадцати, а мне показалось, что стрелка на четырех часах, маленькая. Ну и я перепутала. Когда я шла на ферму, смотрю, вверх по реке так идет такой свет, посреди.. посреди самой реки. Ну а давно еще

больше было такого. Теперь уже мало. – Нужно перекреститься и сказать, что «Всякое дыхание да хвалит Господа». Вот такую вещь нужно было произнести] (КА, аудиозапись Е.В. Степановой (Лесиной), 1990 г.).

Ту же функцию имеет эта формула в эпизоде из книги о сельской жизни закарпатского писателя, уроженца с. Осой Иршавского р-на Ивана Петровция:

Май більше чомусь тото нечистое ся имало до Гафії. Сперву якось увичиріі нафараллована деннов роботов сиділа собі на стільчику пиля шпора, та ся гріла. Кой туй штось лампу задуло, и такой нараз сіло йїв на руку, онь рука гибы задиривила – ани кнути нив. Далє задиривив и язык – хотіла гойкнути, когось покликати – язык ся ани кывать... Розсердила ся – хотіла плюнути на тото чорное, што ї прислопанило, айбо ни годна была удручати языком из рота слину – лем по бороді йїв потекла.

У мыслях ся помолила:

– Всякое дыхание да хвалит Господа! А ты ци хвалиш!?!..

Запищало дітинським голосом, далє – жїнським, и – удпустило, лем у сінні двиріі заgrimотіло... Пішло гет!

[Больше всего это нечистое почему-то цеплялось к Гафии. Сначала как-то вечером, утомленная дневной работой, она сидела себе на табуреточке около печки и грелась. Как вдруг что-то задуло лампу, и так сразу село ей на руку, аж рука как будто одеревенела – невозможно ею двинуть. Потом одеревенел и язык – хотела крикнуть, кого-нибудь позвать – язык не двигается... Рассердилась – хотела плюнуть на это черное, что ее придавило, но не могла вытолкнуть языком изо рта слюну – только потекла у нее по подбородку.

Мысленно она помолилась:

– Всякое дыхание да хвалит Господа! А ты хвалишь?!

Запищало детским голосом, потом – женским, и – отпустило, только загремело дверями в сенях... Ушло!] (Петровцій 2014).

Характерно, что об этом выражении здесь говорится «помолиться». В таком употреблении оно стоит в ряду других молитвенных формул-оберегов: «Помилуй ня Боже» [Толстая 2001: 480], «Слава Ісусу Христу» (Гнатюк ЕЗ 33: 97, № 242), «Сьват-сьват-сьват Матїнко Божа» (Гнатюк ЕЗ 15: 157, № 262), «Мне оца і сина і сьвитого...» (Гнатюк ЕЗ 15: 47, № 86) и т. п.

Однако данная формула имеет и более специализированное употребление, которое можно охарактеризовать как функцию распознавания, «пароля» при контакте с неведомым (чаще всего с ходячим покойником или душой), связанную с представлениями о «чистых» и «нечистых»

душах из загробного мира и так называемых «покутниках» – неприкаянных душах, по разным причинам не находящих упокоения в загробном мире (из-за незавершенных земных дел, грехов и др.) и ищущих помощи от живых; комплекс восточнославянских представлений о «покутниках» подробно рассмотрен в специальной статье Л.Н. Виноградовой (Виноградова 2019). В ответ на «Всякое дыхание да хвалит Господа» «чистая» душа ответит: «И я хвалю» и объяснит, в чем она нуждается, а нечистая промолчит или отругнется и исчезнет. Это объяснение неоднократно встречается в этнографической литературе и полевых записях; в частности, из того же с. Керещки Иршавского р-на¹:

Чоловік кедь дашчо хоче, котрый умре, та кедь дашчо хоче, пожадати – там шчось комусь до́вжен дашчо, ци дашчось інше пожадати, – та тогды він ся з’явить людіні якось, чоловіку ци жоні. Но та тре́ба, кому ся з’явить – та тре́ба його спросіти. Тре́ба казати «Всякое дыхание да хвалить Ѓспода». А вно́ ни пове́сть на́раз. А до дру́гий раз испросіти. А вно́ ка́же за́сь – «И я хвалю́». Та кедь ка́же, ош «И я хвалю́» – тогды тре́ба звы́довати, ош «Пак шчо ты х́чеш?». А вно́ вже тогды ка́же, ош шчо́ йому́ тре́ба. Ци вно́ комусь грóші до́вжно, ци вно́ кому́ дашчось.. зло́й діло зробів, та тре́ба му запла́тити. Та́к шо тогды́ як ові́н сво́й вы́повісьць, тогды́ він уже́ пак ні́гда ся ни́ являть.

[Человек когда что-то хочет, который умер, и когда что-то хочет, нуждается в чем-то – там что-то кому-то должен, или в чем-то ином нуждается, – то тогда он является какому-нибудь человеку, мужчине или женщине. И надо, кому он явится – надо его спросить. Надо сказать: «Всякое дыхание да хвалит Господа». А оно сразу не ответит. А еще раз спросить. А оно тогда говорит – «И я хвалю». И когда скажет «И я хвалю», – тогда нужно спрашивать: «Так что ты хочешь?» А оно тогда уже говорит, что ему нужно. Или оно кому-то должно деньги, или оно кому-то что-то... злое дело сделал, и надо ему заплатить. Так что тогда, как он свое выскажет, тогда уже он потом никогда не является] (КА, аудиозапись Е.В. Степановой (Лесиной), 1990 г.).

Характерно, что о произнесении этой формулы часто говорится «спрашивать» (ср. Гнатюк ЕЗ 34: 67, № 722), хотя лишь в отдельных случаях

¹ Диалектные тексты из Карпатского архива (КА) приводятся в упрощенной записи. Используются следующие условные обозначения: [...] означает пропуск в записи или в расшифровке, .. – «естественную» паузу в речи; диалектный текст в квадратных скобках – не вполне ясные отрезки речи. В угловые скобки заключены пояснения. Знаки препинания отражают фразовую интонацию и синтаксическое членение текста.

к ней прибавляется вопрос типа «А ты хвалишь?». Например, в полевой записи из Прикарпатья (с. Печенежин, окрестности Коломыи):

Ну як помрѣ хтось такий шо ше с то́го свѣта шо жида́йи сво́их рідних, ну́ то прихóдит душа́ поку́туи. Ну́ як прихóдит луска́йи шос у ха́ти, то тре́ба запитáтись: «Вся́ке дихáннн да хва́лит Го́спода», як шо чи́ста душа́, то ска́же «Тай я хвалю́», тогди́ як она́ ска́же «Тай я хвалю́», тогди́ тре́ба запитáтиси, «Шо душе́ потрібу́е». То душе́ відповіда́йи, кільки служби́у Бо́жих найми́ти, і кільки моли́твív змоли́ти, а́бо мо́же шо́сь купи́ти и за прости́бг да́ти. Та́к, і тогди́ вже.. а якшо́ ничи́ста душа́, то тогди́ моу́чи́т, то тогди́ тре́ба дуже́ багато́ моли́тси, би це ў́тступило́си с ха́ти, би це́.. аби це́ не лу́скало те́й не му́чило ци́х живи́х, шо ше жи́ют у ци́й ха́ти.

[Ну если умрет кто-то такой, что с того света нуждается в помощи своих родных, то приходит душа *покутует*. Ну если приходит и стучит что-то в хате, то нужно спросить: «Всякое дыхание да хвалит Господа», и если чистая душа, то скажет: «И я хвалю»; тогда, как она скажет: «И я хвалю», – тогда надо спросить: «В чем душа нуждается?» И душа отвечает, сколько служб Божьих заказать, и сколько молитв измолить, или, может, что-то купить и дать «за простибг» (бедным). А если нечистая душа, то тогда молчит, то тогда нужно очень много молиться, чтобы это отступилось от хаты, чтобы это не стучало и не мучило тех живых, что еще живут в этой хате] (КА, аудиозапись Е.Л. Рязанской и М.Н. Толстой, 1990 г.).

Это же объяснение записано и в с. Синевир Межгорского р-на в заключение былички о том, как умершая тетка несколько раз являлась маленькой девочке. Отец научил ее, что надо сказать «Всякое дыхание да хвалит Господа», но девочка от страха не могла это вымолвить. Покойница, явившись в очередной раз, схватила девочку за пятку, и та не сказала, но мысленно произнесла эту фразу. Тетка ответила: «И я хвалю. Не мучь меня столько, а иди скажи дяде, что я запрятала там-то и там-то деньги, хотела дать на три службы, но не успела; пусть добавят денег и дадут на три службы, и вы меня больше никогда не увидите». Так и было сделано (см. полный текст в Толстая 1999: 488–490):

То ния́кый ни чо́рт, ай то́то зна́ете, то́то ка́жут шчо́ то́то.. ишче́ душа́ шчо́сь наро́била недо́брого вся́кого, зла́, но́ та она́ шче́ на тѣ́лко у Бо́га ў́просила́ ся, шчо́бы́ йи́ Бо́г пу́стѣв, йи́йи́ ду́х обы́ пу́стѣв, обы́ она́ попроси́ла ви́т си́х, роди́ны ви́т се́йи, я́кусь по́мѣч. Но́ тай ка́же шо́.. ка́жут, ся́к гово́рят: «Вся́кое дихáние да хва́лит Го́спода», – и она́ тогды́ ка́же, то́та душа́, а котра́ нечи́ста, то́та ни ви́тпови́сьць вам. То́та ни ви́тпови́сьць ния́к. Но́.

[Это никакой не черт, а это знаете, это говорят, что это.. еще душа что-то наделала нехорошего всякого, зла, ну и она еще на столько у Бога выпросилась, чтобы ее Бог пустил, ее дух чтобы пустил, чтобы она попросила у этих, у своих родных, какую-то помощь. Ну и говорят, что.. говорят, так говорят: «Всякое дыхание да хвалит Господа», – и она тогда скажет, эта душа, а которая нечистая, та не ответит вам. Та не ответит никак] (КА, аудиозапись Е.В. Степановой (Лесиной), 1993).

Ср. то же в материалах из Староконстантиновского уезда Волынской губ. (ныне Хмельницкая обл.) у И. Беньковского:

По верованию нашего народа, бывает, что иногда добрый, а иногда злой дух принимает вид или облик известного покойника, или вселяется в «тулубец», в тело известного покойника, и по ночам ходит; для того чтобы знать, какой дух это, добрый или злой, – при встрече с ним – нужно спросить: «Во имя Отца Сына и Свят. Духа. Всяка тварь хвалить Бога, а ты хвалыш?» Если то добрый дух, то скажет «хвалю», будет говорить и скажет, что ему, т. е. ей – душе – нужно, а если то злой дух, то на подобное приветствие или вопрос будет молчать и ничего не ответит, а если его перекрестить или читать «Да воскреснет Бог», то злой дух в образе умершего человека сейчас «счезне» (Беньковский 1896: 30).

Еще один пример «покуты» (посмертного наказания за грех) и просьбы покойника о помощи записан в с. Черный Поток Иршавского р-на Закарпатья:

Но пак приходить <покойник>.. но пак зьвідавать го, ош шчо́. (А як він приходить?) Людінов просто. Но пак идé так, як йогó поклáли, так ов́н идé. [...] А идé чоловік сякый <живой>, но та сякый як видить мертвóго, та кáже «Всякóе дыхáние дá хвалить Гóспода», а мертвый кáже «И я хвалю́». [...] Но казáли нянько, прощéний б́ыв, ош чоловік умёр, а ходив. Нó та... я ни знáву, ци вни́ йшли, ци кось дрýгий, – та кáже «Всякóе дыхáние дá хвалить Гóспода», а втó кáже «И я хвалю́». – «Но та шчо́ хóдиш, шчо́ ти трéба?» – «Пові́жте, – кáже, – нáшим – я не мáву тáм сопоко́ю. Бо фúрт у мя ся, – кáе, – д́ыня кáчать долі́ б́ерегом, а я ни гóден имити, та не мáву сопоко́ю, ё́, на т́ім св́іті». Д́ыня, но д́ыня. А він украв д́ыню д ко́гось. Ов́н украв д́ыню, украв, а тáм ся перед ним з́явила. Та д́ыня ся фúрт качáла долі́ б́ерегом, а він не [...] гóден имити д́ыню, бо д́ыня долі́ б́ерегом, та вт́икать, та не мóж имити. Та не мáв сопоко́ю. [...] «Пові́жте, кáже, нáшым, об́ы дали́ тóму и тóму д́ыні». [...] Нó та пак пові́ли, ош «Дáйте тóму д́ыню», но та

да́ли то́му ды́ню, по́тому ни ходи́в. <Он> ни босоркун бѣв, вѣн прѣсто вкрѣв. Кра́сти не мо́ж, не слѣбѣдно кра́сти, прѣсто вкрѣв.

[Ну приходит <покойник>.. ну и спрашивают его, в чем дело. (А как он приходит?) Человеком просто. Ну идет так, как его положили <в гроб>, так он идет. А идет мужчина такой <живой>, ну и такой, когда видит мертвого, говорит: «Всякое дыхание да хвалит Господа», – а мертвый говорит: «И я хвалю». Ну говорил папа, царствие ему небесное, что один мужчина умер и ходил. Ну и... я не знаю, отец шел или кто-то другой, – и говорит: «Всякое дыхание да хвалит Господа», а это отвечает: «И я хвалю». – «Так что ты ходишь, что тебе нужно?» – «Скажите, – говорит, – нашим – нет мне там покоя. Потому что все время у меня, – говорит, – тыква катится вниз по склону, а я не могу поймать, и нет мне покоя на том свете». Тыква, ну тыква. А он украл тыкву у кого-то. Он украл тыкву, украл, а там она явилась перед ним. И тыква всё время катилась вниз, а он не может поймать тыкву, потому что тыква катится вниз и убегает, и невозможно поймать. И не было ему покоя. «Скажите, – говорит, – нашим, чтобы дали тому-то и тому-то тыкву». Ну и сказали, что «Дайте тому тыкву», и дали тому тыкву, потом <покойник> не ходил. Он был не босоркун, он просто украл. Красть нельзя, запрещается красть, просто украл] (КА, аудиозапись С.П. Бушкевич, 1993 г.).

Мини-диалог «Всякое дыхание да хвалит Господа» – «И я хвалю», как бы «пароль» и «отзыв» на него, многократно зафиксирован в этнографической литературе, относящейся к юго-западу Украины (Гнатюк ЕЗ 15: 146–147, № 246; ЕЗ 34: 46, № 662, 49, № 668; ЕЗ 31–32: 377; Чуб.ТЭСЭ 1: 148–149; НДП 2: 371; ГПЗН: 15). Среди карпатских диалектных текстов, опубликованных И. Панькевичем, есть длинная быличка из закарпатского села Ольховцы о том, как нечистая сила мучила чабанов на полонине. Их колиба (сезонное жилище) стояла там, где до этого была зверски убита молодая девушка-пастушка; по ночам к ним приходили ведьмы, черти и души-«покутники», а однажды пришла красивая девушка, и именно к ней они обратились со словами «Всякое дыхание да хвалит Господа»²:

Но и так зваріли вни вечерю і повечеряли і приходит одна дівка дуже пресілно красна і сіла она іс перек накладя і не могли ся надивіти на ту дівку і казали їуй: усякуе дыханіе да хваліт Гóспода. Казала вна: і я да хвалю. Зачали їй звідовати: шчо журиш дівко, шчо сюды

² Текст приводится в упрощенной орфографии.

хóдиш, шчось сюды заблуділа. Она́ ка́же: я туй скотáрила и прийшо́в одén учáрь і менé рошчáх і повісив менé на колі́бі, бо я з нím не хóтила полюбі́ти ся пристáти, як вун мені казáв. Но і так тотá дівка наговори́ла ся з ними и пушла́ собі, лиш вітер завіяв. І чу́ют оні́ тоты́ лю́ди а дівка так д́уже зáчала йойкати тонкым гóлосом. І пушла́ вна на тотó мiсто, де йійі́ вучáрь тот рошчáх. І так оні́ ся д́уже боя́ли <...> [Ну и так сварили они ужин и поужинали, и приходит одна девушка, очень-очень красивая, и села она перед *накладом* <колода, заслоняющая огонь костра со стороны колибы>, и не могли налюбоваться на эту девушку, и сказали ей: «Всякое дыхание да хвалит Господа». Сказала она: «И я да хвалю». Начали ее спрашивать: «Что печалишься, девушка, что сюда ходишь, что ты сюда забрела?» Она говорит: «Я здесь пасла скот, и пришел один чабан и меня растерзал, и повесил меня на колибе, потому что я не хотела согласиться с ним полюбиться, как он от меня требовал». Ну и так эта девушка наговорилась с ними и пошла себе, только ветер поднялся. И слышат эти люди, а девушка так начала плакать очень тонким голосом. И пошла она на то место, где ее чабан тот растерзал. И так они очень боялись <...>] (Панькевич 1938: 432–435).

Встречается этот мини-диалог и в рассказе Ивана Франко «Як русин товкся по тім світі» (Франко 1978):

- Гей, хто там? – кричав Русин, нахилившись над кітлом, у яким кипіла-клекотіла смола. – Всяке диханіє да хвалить господа! Чуєте там? Озивайтеся.
- І ми хвалимо! І ми хвалимо! – пискотіло щось із глибини.
- Випливайте наверх, бідні душі! – крикнув Русин, але душі не випливали, тільки все пискотіли.
- Господи, змилуйся! Господи, змилуйся!

Из текста И. Франко видно, что «Всякое дыхание...» употребляется и просто как приветствие в адрес душ из загробного мира. Так же эта формула используется и в диалектном тексте о двоедушнике, летавшем на шабаш ведьм, из с. Белки Иршавского р-на (УЗГТ: 89–90), который заслуживает того, чтобы привести его полностью³:

Про Івана-дводушника

Быв у нас у селі́ йедén Іван, ни зна́ву, як ся писáв. Мы б́ыли малі́, кой колхóз ся засну́вав. Мы попáсували корóвы з ці́лого селá, бо во́лы

³ Текст приводится в упрощенной орфографии.

гнали в полонину. Ивана пужали, ош колхоз уд нбого зймлю забере. Овѣн зазвѣдав, ош тко колхоз заснував, а дале почав на того чоловіка постити, тай тот чоловік умѣр. Казали, ош овѣн двоедушник. Удѣнь вѣн дѣбре не вѣдѣв, а ги кой черес сѣто. Корѣву держав усѣ за мѣтуз, бо ѣи не вѣдѣв. Уночѣ хлѣпци го все переговѣрювали, обы не ѣшов из тѣми свѣйми, а лишався з нѣма. А Иван казав, што вѣн не гѣден, бо бѣде в них манибря. Рано го звѣдали, ош дѣ бѣв. Овѣн росказовав, ош манибря бѣло на румынскѣй граници, тай казав, ош на Украйинѣ е шчи май старшый за нбого. Коли вѣн ѣшов рас на вѣду, та вѣдѣв много душ, та казав ѣм: «Всякое дыханѣе да хвалѣть Господа Бога», – а дѣуши му казали, ош идѣть на ту гору, де Христа распинали. Дале вѣдит, што ѣде ци литѣт еднѣ дѣша. Вклонѣвся ѣйѣ тай зазвѣдав, де вна ѣде. Она му росказала, ош кой бѣла хвѣра, та пообѣцѣла на слѣжбу, а не дала, бо вмерла, и тепѣрь она мѣситѣ кѣждый рѣк принѣсти из обшѣря знак – вѣть корѣва здѣхне, вѣть дѣтина умрѣ; і внѣ просѣла Ивана, обы вѣн ѣйсе вповѣв ѣйѣ донѣци, обы вта дала на слѣжбу, якѣ баба пообѣцѣла попѣви. І товдѣ в них і дѣти триѣ бѣли. Иван сѣсь бѣв дѣже лѣпавый, нѣгда сѣ не мѣв тай не брѣтѣв. Тай казав, ош як умрѣ, та обы го не нѣсли через двѣри, ай через вѣзѣр. Та так и бѣло, бо брат му в сѣтинѣ урубав вѣзѣр та через отѣ го ѣнесли.

[Про Ивана-двоедушника]

Был у нас в селе один Иван, не знаю, как по фамилии. Мы были маленькие, когда был основан колхоз. Мы пасли коров с целого села, потому что волов гнали на полонину. Ивана пугали, что колхоз заберет у него землю. Он спросил, кто основал колхоз, а потом начал на того человека поститься <т. е. держать пост с целью его извести>, и тот человек умер. Говорили, что он двоедушник. Днем он плохо видел, как через сито. Корову всё время держал за повод, потому что ее не видел. Ночью хлопцы всё его уговаривали, чтобы он не шел с теми своими, а оставался с ними. А Иван сказал, что не может, потому что у них будет *манибря* <«маневры»>. Утром его спросили, где он был. Он рассказывал, что *манибря* было на румынской границе, и сказал, что на Украине есть еще старший над ним. Когда он однажды шел по воду, увидел много душ, и сказал им: «Всякое дыхание да хвалит Господа Бога», – а души ему сказали, что идут на ту гору, где распинали Христа. Потом видит, что идет или летит одна душа. Поздоровался с ней и спросил, куда она идет. Она ему рассказала, что когда была больна, то пообещала на службу <в церковь>, а не дала, потому что умерла, и теперь она должна каждый год принести из <своего> хозяйства знак – или корова сдохнет, или ребенок умрет; и она просила Ивана, чтобы он это рассказал ее дочери, чтобы та дала на службу,

которую баба пообещала попу. И тогда у них и детей трое было. Иван этот был очень грязный, никогда не мылся и не брился. И сказал, что когда умрет, то чтобы его не несли через двери, а через окно. И так и было, брат его в стене прорубил окно и через это его вынесли].

Помимо известного мотива «ведьма вредит своим родным» (см. Виноградова 2016: 121–129), этот рассказ содержит и редкое свидетельство представлений о том, что вредить поневоле может и «чистая» душа, и в этом состоит ее «покута».

В нескольких сюжетах отмечается, что при общении с покойником формула должна быть произнесена трижды (или дважды – как в с. Керцки), прежде чем он ответит на нее (Гнатюк ЕЗ 33: 78, № 171; Гнатюк ЕЗ 15: 145–146, № 246). Во Владимир-Волынском р-не Волынской обл. считалось, что живой человек трижды ответит «И я хвалю!», а покойник – лишь дважды (НДП 2: 371).

Вне сферы мифологии формула «Всякое дыхание да хвалит Господа» и ответ на нее могут употребляться в ситуациях, когда человек боится непонятого, – с той же функцией распознавания «своего», представителя «этого» мира:

(Кажут так – «Всякое дыхание да хвалит Господа»?) Кажут. Як ся бойиш.. як ся бойиш, йдеш у ночі та шось.. страшно, шось-ись додівила та ни знаеш, шó тотó, та трéба казáти, шó «Всякое дыхание да хвалит Господа». Но а тотó аш идé такóе, я вать ты, – та каже «Я да хвалю». Та тогды́ значит ни боя́тися, бо тотó людина́ якась идé. Но а як ніч ни ка́же, то тогды́ я не знаю, верта́тися мо́же?

Но пак я бим ишла́ та дэсь-им тя уві́дла та ни познаю́ тя. Та якось-им ся напудила, бо мо́же стойиш, та не знаю, ци тотó пень, ци тотó людина́, ци тотó... мо́же... пэс – «Всякое дыхание да хвалит Господа», я бим казала́. А ты бись учу́ла, шó я сяк кажу, та обым я ся ни боя́ла, казала́ бись – «И я да хвалю».

Пак а е́ такі шó ни зна́йе, шó казáти, то ни ка́же ніч!

[Говорят так – «Всякое дыхание да хвалит Господа»?] Говорят. Если боишься... если боишься, идешь ночью и что-то... страшно, что-нибудь ты увидела и не знаешь, что это, то нужно сказать, что «Всякое дыхание да хвалит Господа». Ну а это если идет такое, я или ты, – то говорит: «Я да хвалю». И тогда, значит, не бояться, потому что это человек какой-то идет. Ну а если ничего не говорит, то тогда я не знаю, может быть, возвращается?

Ну вот я бы шла и где-то бы тебя увидела, и не узнаю тебя. И как-то я напугалась, потому что, может, ты стоишь, и я не знаю, то ли это пень,

то ли человек, то ли... может... собака – «Всякое дыхание да хвалит Господа», я бы сказала. А ты бы услышала, что я так говорю, и чтобы я не боялась, ты бы сказала: «И я да хвалю». Ну а есть такие, что не знает, что надо сказать, и ничего не говорит!] (КА, с. Синевир Межгорско-го р-на Закарпатской обл., аудиозапись М.Н. Толстой, 2019 г).

В трех быличках, опубликованных В. Гнатюком (Гнатюк ЕЗ 33: 78, № 171; ЕЗ 34: 22, № 614; ЕЗ 15: 146–147, № 248), формула произносится по-польски; в двух из них действуют ксендзы, в третьей – «знающий» мазур. Это не случайно: фразеологизм *Wszelki duch Pana Boga chwali!* широко известен у поляков. По данным WSJP, он используется для выражения удивления или страха говорящего, известен и ответ на него *I ja Go chwale*. Формула отмечена и в польской мифологии: с ней обращались к душам некрещеных детей, летающим в ветре (еще одна разновидность неприкаянных душ) (Pełka 1987: 50); в легенде о поляне Centyż в Западных Бескидах призрак монаха, сбежавшего из монастыря и убитого грабителями, перестал появляться после того, как эту формулу произнес испуганный им человек и он ответил на нее⁴, т. е. избавление монаху-«покутнику» принес уже сам этот диалог⁵.

Можно было бы предположить, что магическое употребление формулы «Всякое дыхание да хвалит Господа» под польским влиянием распространилось на бывших польских землях, однако этому противоречит, с одной стороны, видимое отсутствие ее следов на основной территории Полесья, в Белоруссии, а также и у гуцулов, а с другой стороны – распространенность ее в Закарпатье. Наконец, впечатляющая параллель обнаруживается у южных славян, где широко распространены представления о «ходячих покойниках» – вампирах, которых не принимает земля за их грехи, и они обречены определенное время ходить по земле (Борђевић 1953: 164–166). В быличке из Славонии парень, укравший у соседа соль и не признавшийся в этом перед смертью, стал вампиром; по совету селян родители раскопали его могилу и обнаружили его в гробу курящим трубку; они трижды его «заклинали»: «Свака душа фали Бога, фалиш ли га ти?» [Всякая душа хвалит Бога,

⁴ <https://pl.wikipedia.org/wiki/Centyż>

⁵ Некоторой параллелью к этому сюжету может служить белорусская быличка из Гродненской губернии, в которой призрак монаха, при жизни никогда не произносившего «pochwalony» (традиционное приветствие «Niech będzie pochwalony Jezus Chrystus!» [Слава Иисусу Христу!]), был выручен от «покуты» ксендзом, обратившимся к нему с этим приветствием, на что призрак ответил: «Na wieki wieków amen!», затем поблагодарил и исчез (Fed. LB 1: 55).

хвалишь ли его ты?], и на третий раз он ответил: «Фалим да! Ја ко и ви» [Хвалю, да! Ја как и вы], после чего объяснил, что осужден на два года «ходить»; родители проткнули его тело колом боярышника, в результате чего проблема была решена:

У једној народној привовечи из Отока, у Славонији, казује се како кад «когод што украде мора на самртном часу очитовати укућанима да намире да не би он неспокојан послѣ долазио ноћу кући». О томе се даље овако прича: Неки младић чувајући говеда украде од суседа камен соли и даде својој говеди. Неко време после тога он умре, «не казавши то на самртном часу». «Седме ноћи чују укућани по кући страшну лупу, падају здиле и лонци, руше се котлови и чаброви, и нико не смије да виде што је». Неко заговори његове укућане «да плате Гргурске мисе, не би ли се зла ослободили», али је све било узалуд. Најзад им рекну сељани да «одсику гложѣћ јединак, па нек иду у гробље». Они тако и учине, на гробљу «откопају раку, отворе шкрињу, а он лежи полеђице у шкрињи и пуши чубук». Родитељи га стану заклимати: «Свака душа фали Бога, фалиш ли га ти?» Тек на треће питање он одговори: «Фалим да! Ја ко и ви». – «Па зашто долазиш?» – «Е, вели, укро сам соли и реко миснику, а нисам вама, па да намирите. Зато ми је суђено да још дви године овако одам». Кад су родитељи чули у чему је ствар, «макну га глоговим коцем у три пут у затиљак; а кад је трећи пут добио, руке он ко вол и издане. Он онда није више долазио» (Lovretić, *Zborn. za nar. život*, књ. VII, стр. 134).

[В одном народном рассказе из Отока в Славонии говорится, что, когда «кто-либо что-то украдет, он должен перед смертью признаться в этом домашним, чтобы у них было всё в порядке и он бы после не тревожил их, приходя ночью домой». Об этом дальше рассказывается так: Некий парень, пасший коров, украл у соседа кусок каменной соли и дал своим коровам. Через некоторое время он умер, «не сказавши этого перед смертью». «На седьмую ночь домашние услышали в доме страшный грохот, падают миски и горшки, двигаются котлы и кадки, и никто не решается посмотреть, в чем дело». Кто-то посоветовал его домашним «заплатить за *Гргурске мисе* <специальные заупокойные службы> – может быть, удастся освободиться от этого зла», но всё было напрасно. В конце концов односельчане сказали им, чтобы они «срезали однолетний прут (?) боярышника и шли на кладбище». Они так и сделали, на кладбище «раскопали могилу, открыли гроб, а он лежит на спине в гробу и курит трубку». Родители стали его *заклипать*: «Всякая душа хвалит Бога, хвалишь ли его ты?» Только на третий раз он ответил: «Хвалю, да! Я как и вы». – «Так зачем приходишь?» – «Э, – говорит, – я украл соль и сказал об этом священнику, а вам не сказал, чтобы у вас

было всё в порядке. Поэтому мне суждено еще два года так ходить». Когда родители услышали, в чем дело, «ударили его боярышниковым колом трижды в затылок; когда ударили третий раз, он рыкнул, как вол, и испустил дух. И больше он не приходил»] (Ђорђевић 1953: 164–166).

2. Вторая формула, напротив, известна мне только из полевых записей в Закарпатье, и следов ее в литературе пока не удастся найти. В Закарпатье во время экспедиций Института славяноведения в 1990-е гг. она записана по крайней мере четырежды, в трех селах и трех вариантах. Эти варианты таковы: *иді со ділом своїм* (дважды, Керецки Свалявск., 1990); *най собі йде своїми суділами* (Черный Поток Иршавск., 1993); *иді ис своїми суділами* (Синевир Межгорск., 1993). Во всех случаях она обращена к мифологическим персонажам и имеет отгонную функцию в ситуациях, которые можно охарактеризовать как прекращение или отказ от общения; с некоторой натяжкой ее можно перевести как «Бог тебе судья». Ниже приводится полный материал.

с. Керецки:

Старый Костюк быв приказовав, як його стрій – то давнó было – та йшóв из ліса, но пак ходів на оріхы. Ув осení у нас усé, коли оріхы ся уродять, та идемé на оріхы. Та йшóв, а на путі стоїт копійча оріхів. Така копійча, шо йеднým извэрьхы завершена. А він оты оріхы забрав у тайстрінку, та пійшóв домі. Тай рас у ночі слухать – а ся пуд вьзором гоїкаты. «Вьткысь оты оріхы взьв, там их и покладь, а кедь ньёт, – каже, – та так тя будú гоніти, ги Марію Катунóву». Тотó в нас туй были, так ся клікали. Та нидóбре было жоні. Но та так овін повів йому, розказав, ош так будé гоніти, ги ту. А сесь пак израна устав, та краснó тоты оріхы, такой у ньóго у тайстріні окрème и были, та поніс на тотó місто, и там він уже йих ни складовав, бо він бы йих нігда так ни склáv, ги вні были складені. Ай вьсыпав там, та каже – «Нó, бері собі та йді со ділом своїм».

[Рассказывал старый Костюк, как его дядя – это давно было – шел из леса, ну ходил по орехи. Осенью у нас всегда, когда уродятся орехи, мы ходим по орехи. И шел, а на пути стоит горка орехов. Такая горка, что одним <орехом> сверху заканчивается. А он эти орехи забрал в сумку и пошел домой. И вот ночью слышит – под окном кто-то кричит: «Откуда ты эти орехи взял, там их и положи, а если нет, – говорит, – то так тебя буду гонять, как Марию Катунóву». Это у нас тут были, так их звали, и нехорошо было женщине. Ну и так он ему сказал, рассказал, что так будет гонять, как ту. А этот утром встал, и прекрасно эти орехи, так у него в сумке и были отдельно, и понес на то место, и там уже он их не

складывал, потому что он никогда бы их так не сложил, как они были сложены. А высыпал там и говорит: «Ну, бери себе и *иди со ділом своім*»] (КА, аудиозапись Е.В. Степановой (Лесиной), 1990 г.).

Но пак шчо вам росказати про водяника, я тілько-м чула, шчо приказовали жоны, ош як вечүрніці были, та дівкы пряли. Нб, та зайшов.. ишли хлпці все на вечүрніці, айбо тогды якойс зайшов такый легінь, шо внй йогó ни упознавуть. И.. а такый высóкый, шчо.. но.. май высóкый, ги дрүгí люде. [...] А баба там была така старá, та моло[дi] ся не знали, шчо робіти. А баба взяла клóча, такогó прядива фáйного, та каже: «Нб, прийшов ты, легіню, до нас, та будеме сукати мотузóк. Бо трéба ми мóтуза». Та дала йому у рүкы, обй держав. Она сүче, та все йому каже – «Поступай ся дáле, поступай ся дáле». Так шчо она помáлы так сүчучи, тай поступав ся овін вон, вон, вон, а она кá – «Шчé дáле, шчé дáле!», дóкi ни запéлла двéри – «Но, – каже, – иди со ділом своім». И вшйтко. – Водяник, так шо то такóе ся урóдить. Урóдить ся, – тóт, шо ся утóпить, овін така душа, ги дрүгí, та тóт ни хóдить. Ай хóдить тко неправый.

[Ну что вам рассказать про водяника, я только слышала, что рассказывали женщины, что когда были вечерки, девушки пряли. Ну и зашел... ходили хлопцы всё время на вечерки, но тогда какой-то зашел такой парень, что они его не узнают. И... а такой высокий, что... выше, чем другие мужчины. А бабушка там была такая старая, и молодые не знали, что делать. А баба взяла пряжу, такой пряжи хорошей, и говорит: «Ну, пришел ты, парень, к нам, так будем сучить веревочку. Потому что мне нужна веревка». И дала ему в руки, чтобы держал. Она сучит, и всё время ему говорит: «Отступи подальше, отступи подальше». Так что она потихоньку так сучила, и отступал он дальше, наружу, а она говорит: «Еще дальше, еще дальше!», – пока не закрыла дверь. А как закрыла дверь – «Ну, – говорит, – *иди со ділом своім*». И всё. – Водяник, это он таким родится. Родится, – тот, что утопится, он душа такая же, как и другие, так тот не ходит. А ходит тот, кто *неправый*] (КА, аудиозапись Е.В. Степановой (Лесиной), 1990 г.).

с. Черный Поток:

Жабы и жоны суть. Такі суть раз. Тотó такóе ни мóж бiти, *най собі йде своїими суділами*. (А какие жоны?) Нб, хоть кóтрі, такү Бóг дáсьть шо у жабу ся учiнить.

[Лягушки и женщины бывают. Встречаются такие. Это такое нельзя убивать, *най собі йде своїими суділами*. (А какие женщины?) Ну, любые, такую Бог даст, что превращается в лягушку] (КА, аудиозапись М.Н. Толстой, 1993 г.)

с. Синевир⁶:

Нó, зна́єте, б́ыла о́дна дівка, нó, і всі їй д́уже любі́ли, д́уже фа́йна б́ыла. И.. но та у селі́, д́уже за нив, д́уже хлопці́ всі бі́гали. И рас она́ ка́же – «Ма́мо, ка́же, менé, ка́е, та.. я́, ка́е, не мо́жу, ка́е, вѣ́ддати ся, ка́же, бо я́, ка́же, ни така́ лю́дина, як дру́гі. Я́, ка́же, му́шу умерáти». А ма́ти д́уже рева́ла, бо лиш о́дна дівка с́я у не́йі б́ыла, а два́ хлопці́ шчé. И вна́ ма́тери всѣ́о росказа́ла, а ма́ти ййі́ ка́е – «Кой ты́ така́, та Бо́г ис тобо́в, ка́е, иди́. *Ис сво́йими су... суді́ліла́ми*. Як-ись с́я урóдила, ка́е, та́к иди́». И да́ле вна́, як умéлла, и вна́ ході́ла по ты́х... по кафе́, всю́ды та́к, и зво́лочовала хлопці́. И всé наході́ли хлопці́ ме́ртвых. Розумі́єте, и нитко́ ни мо́гли, ни мілі́ція, – то́ вже при... при ру́ській вла́сти се с́яко́е б́ыло. Нитко́ ни мо́гли ді́знати с́я, до чо́го сесé́ é. <В да́льнейшем о́дного парня́ она́ случа́йно не успе́ла до первы́х петухов погуби́ть, и тот дозна́лся о не́й у ее родите́лей; раскопа́ли ее моги́лу, нашла́ ее как живу́ю, закли́нали и обсы́пали освяще́нным ма́ком.>

[Ну, знаете, была одна девушка, ну, и все ее очень любили, она была очень красивая. И... ну и в селе очень за ней, очень все хлопцы бежали. И однажды она говорит: «Мама, говорит, меня... я, говорит, не могу, говорит, выйти замуж, говорит, потому что я, говорит, не такой человек, как другие. Я, говорит, должна умереть». А мать очень плакала, потому что у нее только одна дочка была, а еще два сына. И она матери всё рассказала, а мать ей говорит – «Если ты такая, то Бог с тобой, – говорит, – иди. *Ис своими су... суділіла́ми*. Какой ты родилась, – говорит, – так иди». И потом она, когда умерла, и она ходила по этим... кафе, всюду так, и завлекала хлопцев. И все время находили хлопцев мертвых. Понимаете, и никто не мог, ни милиция – это уже при русской власти это такое было. Никто не мог дознаться, что это такое] (аудиозапись С.П. Бушкевич, 1993 г.).

Церковнославянское происхождение этой формулы, как кажется, не вызывает сомнений. Можно предположить, что ее источником является словосочетание «по делом своим» (*И даде море мертвецы своя, и смерть и ад даста своя мертвецы: и суд прияха по делом своим* – Откр. 20:13), которое не могло быть опознано как дат. п. мн. ч. из-за чуждой флексии, а также потому, что предлог *по* в украинско-белорусском диалектном ареале управляет предложным падежом, а не дательным. Выше варианты формулы перечислены в порядке затемнения ее

⁶ У рассказчицы, молодой девушки, в речи много литературных элементов, чуждых синевирскому диалекту.

смысла. В с. Керечки в выражении *иді со ділом своїм* существительное было опознано как форма тв. п. ед. ч., а предлог заменен на «с» в церковнославянской форме; чуждым диалекту является и ударение существительного: слово *діло* (а. п. *а*) в тв. ед. в нормальном случае имеет ударение *ділом*. В с. Черный Поток в выражении *най собі йде своїми суділами* предлог превратился в приставку *су-* (этому способствовал, видимо, фонетический закон повышения средних гласных перед мягкими согласными, см. Толстая 2009); кроме того, не исключено, что корень мог быть переосмыслен как *діл* ('гора-водораздел'), и с утратой предлога словосочетание могло получить пространственное значение. Возможно также, что сочетание с предлогом было переосмыслено как существительное с корнем «суд», «судить». Наконец, у молодой информантки из с. Синевир внутренняя форма этого выражения оказалась окончательно затемненной, в существительном появился лишний слог. В принципе формулировка *иді со ділом своїм* могла бы быть исходной для остальных вариантов, но о конкретных путях ее преобразований остается лишь гадать.

Нужно отметить, что у слова *дело* в народной культуре Карпат регулярно отмечаются мифологические коннотации, в частности, у выражения *мати діло*: ср. в гуцульских заговорах: «аби до мене ніхто діла не мав, так як я ходжу від рана до схід сонця а мене ніхто не пізнав» (Шухевич 4: 259–260, Жабе, Бервінкова); Щезни, пропади! Ти до сего тіла не маєш діла! (Шухевич 5: 249, Шешори); «аби се счезло, пропало йик піна на воді, йик роса на траві, аби воно не мало діла до білого тіла, до жовтої кости, до черленої крові, абе се не мало діла тіло влеєти, молодість відбирати, володи пускати <...>» (Шухевич 5: 220, Жабе). В быличке из с. Торунь Межгорского р-на Закарпатья это словосочетание встречается в ряду отгонных формул: «А люде ся боят, та закрывають, та кажут – цураха му, осцина бы му, няй идє вітсі на пусьці пустынї! Шчо він туйкы нам діло має? Шчо він туйкы нам хоче робити? А гойкают люде» [А люди боятся, и запираются, и говорят – *цураха* бы ему, *осцина* бы ему, пусть идет отсюда в пустые пустыни! Что он здесь нам *діло* має? Что он здесь нам хочет делать? Кричат люди] (Николаев, Толстая 2001: 228). В «этнографическом» романе П. Шекерика-Доникова, уроженца гуцульского села Головы, *поганим делом* в заговоре называется нечистая сила и болезни: «<...> Єк усі болі поздоймали, У стоящу судину поссипали. Поссипали тай заткали, На стоящу гору видослали. На стоящій горі пресподну єму копали И то погане діло у ту єму пустили, Й там загребли, забили, Заклели навїки віков. Амінь». <...> Здував ничїсту силу, спльовуючі у лівий бік: “Ху, тфу, зчезни, ничїста сило. Ху, тфу, пропади погане діло. Ху, тфу, ни май моци та путері до мене, иршеного, пороженного Ивана”» [«Когда все болезни поснимали,

в стоячую посудину посыпали. Посыпали и заткнули, на стоячую гору отослали. На стоячей горе преисподнюю яму копали и это *поганое дело* в ту яму пустили, и там закопали, забили, заклиали на веки веков. Аминь». <...> Сдувал нечистую силу, сплевывая в левую сторону: «Ху, тфу, исчезни, нечистая сила. Ху, тфу, пропади, *поганое дело*. Ху, тфу, не имей силы и способности ко мне, крещеному, рожденному Ивану»] (Шекерик 2008: 29–30).

В 2019 г. мне удалось побывать в Синевире и расспросить о выражении «со ділами своїми» у Анны Степановны Цимбота, замечательной информантки и знатока синевирского диалекта и народной культуры. Она рассказала о немифологическом употреблении этой формулы (близком по значению к «Бог ему судья»): так говорят об умерших (причем с осуждением); можно так сказать и о ведьме. Таким образом, покойники и нечистая сила по синевирским материалам объединяются как представители потустороннего мира (вспомним, что и в быличке о дочке-двоедушнице мать говорит ей эти слова перед ее смертью):

Со ділами своїми. Пак тотó за мёртвого кáжут! Пак умёр... умёр – та со ділами своїми, шчó собі наробів, та с тым пйдé. Шчó за житя наробів, ис тым собі пйдé, со ділами своїми. (А коли тото мож казати?) Пак тотó прóсто тák.. пак хоть кóли мож казáти. Хоть кóли, нé лиш у якýсь чáс, вать... тák, со ділами своїми, най собі йдé. [...] Шбсь говорят, изыйдут ся на похорон, чéлядь, та шбсь говорят, но, пак тá гé, кáжут, нó, сесь сякый бив, вать такый бив, вать.. вать за кóгось кáжут фáйно. А за кóгось кáжут нефáйно, ткóсь комусь шчóсь недóбре зробів. Пак кáжут, кáждое со ділами своїми най идé. Ткó робів дóброе, най идé з дóбрым, ткó недóбре, най идé с таким, кáждое со ділами своїми. У нáс кáжут, кáждое со ділами своїми, я бим тобi тák казáла, шо кáжда людiна най идé со ділами своїми. (То лиш як уже умер? За живых так не кáжут?) За живых нé, за живых не кáжут. За живых лиш кáжут – Бóже, якá нечэсна, ци нечэсний, ци гáмiшное, ци... ци сякóе, ци такóе.. Про кóго як кáжут, тák за ньóго кáжут, а «со ділами своїми» – лиш за мёртвого. (А ци не мож так казати за якусь босоркáню, ци за жабу, вать штось такóе?) За босоркáню... пак мóже и мóж и за босоркáню. (Як шчось думают, шчо шчось нечисте?) Мóж.. мóж.

[*Со ділами своїми*. Так это о мертвом говорят! Ну умер... умер – и *со ділами своїми*, что себе наделал, с этим пойдет. Что за жизнь наделал, с тем себе пойдет, *со ділами своїми*. (А когда это можно сказать?) Ну это просто так.. когда угодно можно сказать. Когда угодно, не в какое-то определенное время, или... так, *со ділами своїми*, пусть себе идет. <...> Что-то говорят, соберутся на похороны, люди, и что-

то говорят, ну, и вот, говорят, этот такой был, или сякой был, или.. или о ком-то говорят хорошо. А о ком-то говорят плохо, кто-то кому-то что-то нехорошее сделал. Ну и говорят, каждый *со ділами своїими* пусть идет. Кто делал хорошее, пусть идет с хорошим, кто плохое, пусть идет с таким, каждый *со ділами своїими*. (Это только когда уже умер? О живых так не говорят?) О живых нет, о живых не говорят. О живых говорят только – боже, какая *нечестная*, или *нечестный*, или лицемерный, или такой, или сякой. Про кого как говорят, так о нем и говорят, а «*со ділами своїими*» – только о мертвом. (А можно так сказать о какой-нибудь ведьме, или жабе, или о чем-то таком?) О ведьме... наверно, можно и о ведьме. (Если думают, что что-то нечистое?) Можно... можно.]

Приведенный материал проливает свет на механизмы взаимодействия книжной и народной традиции и народного (диалектного) и церковнославянского языка и способы включения книжных элементов (молитвенных формул) в контекст народной мифологической традиции.

Сокращения

Беньковский 1896 – *Беньковский И.* Смерть, погребение и загробная жизнь. Киев, 1896.

Виноградова 2016 – *Виноградова Л.Н.* Мифологический аспект славянской народной традиции. М., 2016.

Виноградова 2019 – *Виноградова Л.Н.* Особая категория мифологических персонажей: «души-покутники» // Живая старина. 2019. № 2. С. 19–21.

Гнатюк ЕЗ 15 – *Гнатюк В.* Знадоби до галицько-руської демонології // Етнографічний збірник. Львів, 1904. Т. 15.

Гнатюк ЕЗ 31–32 – *Гнатюк В.* Похоронні звичаї й обряди // Етнографічний збірник. Львів, 1912. Т. 31–32. С. 203–424.

Гнатюк ЕЗ 33 – *Гнатюк В.* Знадоби до української демонології. Т. 2, вип. 1 // Етнографічний збірник. Львів, 1912. Т. 33.

Гнатюк ЕЗ 34 – *Гнатюк В.* Знадоби до української демонології. Т. 2, вип. 2 // Етнографічний збірник. Львів, 1912. Т. 34.

ГПЗН – Говірки південно-західного наріччя української мови / Уп. Н.М. Глібчук. Львів, 2000.

Ворђевић 1953 – *Ворђевић Т.Р.* Вампир и друга бића у нашем народном веровању и предању // Српски етнографски зборник. Књ. 66. Београд, 1953.

КА – Карпатский архив Института славяноведения РАН (материалы экспедиций).

НДП 2 – Народная демонология Полесья (Публикации текстов в записях 80–90-х годов XX века). М., 2012. Т. 2. Демонологизация умерших людей / Сост. Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская.

Николаев, Толстая 2001 – *Николаев С.Л., Толстая М.Н.* Словарь карпатоукраинского торуньского говора с грамматическим очерком и образцами текстов. М., 2001.

Панькевич 2008 – *Панькевич И.* Українські говори Підкарпатської Русі і сумежних областей. Прага, 1938.

Петровцій 2014 – *Петровцій Іван.* Бумбурішки. Русинське читання. Осій; Ужгород, 2014 (<https://petrovtsiy.jimdo.com/проза/бумбурішки/>).

Толстая 1999 – *Толстая М.Н.* Несколько текстов из села Синевир // Славянские этюды. Сборник к юбилею С.М. Толстой. М., 1999. С. 477–490.

Толстая 2001 – *Толстая М.Н.* Из материалов карпатских экспедиций // Восточнославянский этнолингвистический сборник. М., 2001. С. 477–495.

Толстая 2009 – *Толстая М.Н.* Позиции регрессивной аккомодации и гармонии гласных в закарпатском говоре с. Синевир // Исследования по славянской диалектологии. М., 2009. [Вып.] 14. Фонетический аспект изучения славянских диалектов. С. 115–143.

УЗГТ – Українські закарпатські говірки. Тексти / Уп. О. Миголинець, О. Пискач. Ужгород, 2004.

Франко 1978 – *Франко І.* Як русин товкся по тім світі // Франко І. Зібрання творів: у 50 т. Т. 1–25. Художні твори. Т.16. Повісті та оповідання (1882–1887). Київ, 1978.

Шекерик 2008 – *Шекерик-Доників П.* Дідо Іванчік. Косів, 2008.

Шухевич 4, 5 – Шухевич В. Гуцульщина. Львів, 1904. Т. 4; 1908. Т. 5.

Чуб.ТЭСЭ 1 – Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Императорским Русским географическим обществом: Юго-Западный отдел. Материалы и исследования, собранные П.П. Чубинским. СПб., 1872. Т. 1.

Черленяк 2018 – *Черленяк (Керечанин) І.* Апотропеїчні заходи для живих та магичні дії, пов'язані зі спорядженням мерця в українців Закарпаття // Народознавчі зошити. 2018. № 3 (141) С. 662–670.

Fed.LB 1 – *Federowski M.* Lud Białoruski na Rusi Litewskiej. Materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1905. Kraków, 1897. Т. 1: Wiarą, wierzenia i przesady ludu z okolic Wołkowyska, Słonima, Lidy i Sokółki.

Pełka 1987 – *Pełka L. J.* Polska demonologia ludowa. Warszawa, 1987.

WSJP – Wielki słownik języka polskiego. PAN (https://wsjp.pl/index.php?id_hasla=30136).